

Николай Бессонов (Москва, Россия)

ИГРЫ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ В ЦЫГАНСКИХ КОЧЕВЫХ ТАБОРАХ

При рассмотрении цыганских традиций этнологи описывали, прежде всего, свадебную обрядность, обычаи, связанные с родами и похороны. Широко обсуждались проблемы, связанные с ритуальной нечистотой (*пэкэ-лимос* или *магримос*). Определённое внимание уделялось в научных публикациях трудовому воспитанию детей. В то же время вопрос о цыганских играх в российской этнографии никогда не ставился. Цель данной статьи – восполнить этот пробел. Естественно, собранная мной в национальной среде информация является пока отрывочной, однако уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, в игровой форме цыганские дети из кочевых семей готовились к взрослой жизни, развивая силу, ловкость или профессиональные навыки.

Во-вторых, именно от образа жизни конкретной цыганской этногруппы зависели формы детского, подросткового и молодёжного досуга.

В-третьих, сами игры были заимствованными у местного населения.

При всей своей кажущейся очевидности последний тезис требует более развёрнутого обсуждения. До сих пор не получило должной оценки наследие А. П. Баранникова, работы которого либо переиздаются без всяких комментариев [1], либо получают высокую оценку и цитируются как авторитетный источник. Между тем, в основе своих трудов, напечатанных в 1930-е годы, А. Баранников положил порочный тезис об органически присущей цыганам криминальности. Пытаясь доказать эту мысль, советский цыгановед шёл на прямые фальсификации, а также тенденциозно трактовал исторические источники. Несомненно, коллеги понимают, что я имею в виду – однако напомним одно из положений, которое является для А. Баранникова программным. По утверждению этого автора главным этнокультурным контактом кочевых цыган с местным населением было общение в местах лише-

ния свободы. "... Цыганы, особенно же цыганы кочующие, по роду своих занятий не входят в более или менее тесное и длительное соприкосновение с представителями других профессий, кроме воровской", – пишет он в статье "Цыганские элементы в русском воровском арго" [2].

Я не буду утомлять читателей сходными цитатами – все они однотипны и повторяют мысль, что таборные семьи были изолированы от окружающего населения, поскольку их способ заработка способствовал полной обособленности. По Баранникову единственное место, где кочевые цыгане подолгу общались с русскими и украинцами – это тюремная камера. Мой коллега В. Шаповал подготовил доклад, разоблачающий недостойные методы, которыми цыгановед сталинского периода в десятки раз "увеличил" количество цыганских слов в воровском арго. Я же напому то, о чём А. Баранников (и те, кто его некритически цитируют) предпочитают умолчать. Главным этнокультурным контактом кочевых цыган было общение с крестьянами, у которых на зиму снималось жильё. В Российской империи, а позже и в СССР таборы всех этногрупп проводили зимние месяцы в деревнях, что привело в итоге к огромным заимствованиям в материальной культуре, фольклоре, языке и обычаях. Влияние крестьянской культуры на кочевые таборы было массовым и постоянно действующим фактором (в то время как массовость тюремных отсидок опровергается статистикой). Впрочем, сама жизнь опровергла клеветнические тезисы А. П. Баранникова всего через десять лет после их опубликования. Когда началась Великая Отечественная война, цыгане (как оседлые, так и кочевые) отважно воевали с оккупантами, проявив тем самым, не криминальное, а патриотическое сознание. Самопожертвование, проявленное цыганами в партизанских отрядах и в рядах Красной армии, стало предметом моих многолетних изысканий. Надеюсь, публикация данных фактов поможет нашему цыгановедению переосмыслить отношение к трудам А. П. Баранникова и его сторонников.

Реальная жизнь отличается от стереотипов массового сознания. Принято считать, что кочевые цыгане были поголовно неграмотны. Между тем, работа в национальной среде позволяет опровергнуть это утверждение. В ряде этнических групп было принято отдавать детей в школы в период зимовки. В результате даже в довоенный период в таборах *сэрвов*, русских цыган и *кишинёвцев* насчитывалось немало грамотных людей [3]. Интересно, что кочевые родители отправляли учиться не только мальчиков, но и девочек. Полагаю, не надо доказывать, что многомесячное пребывание в школе приводило к тому, что цыганские дети немало перенимали от своих славянских сверстников. Относится это и к играм.

Впрочем, и в тех этногруппах, которые игнорировали образование (*влахи, кэлдэрары, плаируны*) заимствования в игровой области были не меньше. Авторы советского периода любили подчёркивать, что между кочевыми цыганами и местным населением лежала пропасть. Принято писать о постоянных преследованиях со стороны властей и нетерпимости крестьян, гнавших таборы со своих земель. Без всяких сомнений, факты такого рода имели место. Но не они определяли общую атмосферу. В опровержение укоренившихся штампов приходится напоминать, что цыгане получили в Российской империи юридическое равноправие с момента своего прибытия, а население относилось к ним в целом терпимо. Несмотря на "чёрную мифологию" крестьяне видели в кочевых таборах определённую пользу. Цыгане снабжали деревню дешёвыми ремесленными изделиями, а гадание и цыганская музыка вносили разнообразие в размеренную жизнь. Простая логика показывает, что если бы крестьяне разделяли расистские взгляды ряда цыгановедов, они не стали бы впускать на зиму в свои дома "неисправимых преступников". За столетия, проведённые в тесном бытовом контакте, цыгане и славяне трезво оценили достоинства и недостатки друг друга. Хозяева знали, чего можно ожидать от ежегодных постояльцев. Взаимные симпатии прошли проверку во время гитлеровской оккупации. Благодаря помощи русских и украинцев нацистский геноцид смогли пережить не менее половины цыган. Напомню, для сравнения, что оказавшиеся в сходной ситуации евреи были за редкими исключениями истреблены карателями.

Весьма показательный пример заимствований из русской среды обнаружил у влашских цыган. Подростки выстраивались друг напротив друга и вели широко известный этнографам диалог:

- Бояре, мы к вам пришли, молодые мы к вам пришли,
- Бояре, а зачем пришли? Молодые, зачем вы пришли?
- Бояре, нам невеста нужна, и т.д.

Разумеется, эти вопросы и ответы дублировались по-цыгански:

- *Тэрнэ, мэ тумэндэ авиле.*
- *А пал со тумэ амэндэ авиле?*
- *Амэнди тэрни трэбуй.*
- *А сави тумэнди трэбуй?*

Потом завязывали мальчику глаза платком, и он шёл вперёд, пока не дотрагивался до юной цыганки ладонью. Тогда глаза завязывали уже ей, и она касалась кого-то в шеренге парней.

Кроме того, зимой в хате влашские дети играли в жмурки. Кому-то одному завязывали глаза, и он ловил остальных, ориентируясь на возгласы.

Летом отдавали предпочтение игре в прятки. Девочки-*власицы* освоили скакалку и даже игру городских школьниц – “классики” [4]. Напомню, что в этой статье речь идёт не об оседлых, а именно о кочевых цыганах. Мои информанты провели своё детство в палатках. Тем не менее, приятельские отношения с русскими сверстниками сказались на формах развлечений.

Конечно же, были игры, которые имели более “цыганский” оттенок. Но и они, по сути, были одинаковы как в крестьянской, так и в таборной среде. Я имею в виду игру “в конячки”. Дети делали из прутьев и палок дугу, запрягали “тройку” и начиналась резвая беготня [4]. Поскольку обыденное сознание неразрывно связывает цыган с лошадьми, именно этот сюжет прежде всего привлекал внимание со стороны. Не случайно единственная известная мне картина с играющей таборной детворой называется “Цыганская тройка”. Данное живописное полотно написал Людвиг Кнауш в 1888 году (*илл. в приложении с. X*). Коней здесь изображают мальчишки, а в роли возницы выступает их старшая сестра, которая размахивает поднятым прутиком. По форме стоящих на заднем плане палаток можно определить, что немецкий художник сделал первоначальный эскиз (который также сохранился) в таборе *кэлдэраров*. Последние, как известно, прикочевали в Германию в 1860-х годах.

Нет сомнений, что игры, в которых имитировались кони, занимали у всех этногрупп почётное место. Особенно это относится к северной ветви цыганского народа (которая жила за счёт конной торговли). Русские, латышские, польские и финские цыгане имели настоящий культ лошади. Верный конь воспевался в песенном фольклоре [5], упоминался в сотнях пословиц и поговорок [6]. Мальчишки росли в этой атмосфере, поэтому, едва научившись бегать, уже скакали верхом на палочке [7]. Подрастая, они играли в ролевые игры, копируя слова, услышанные на ярмарках. Купание и выпас коней становились источником самых ярких эмоций. Разумеется, родители поощряли интерес сыновей к будущему ремеслу. Менее ожидаемо (и потому особо интересно) то, что отцы в какой-то мере шли против цыганских традиций, желая доставить удовольствие дочерям. Как известно, взрослой цыганке запрещалось ездить верхом (в связи с понятием ритуального “осквернения”). Обычай предписывал цыганке ходить пешком даже на очень далёкие расстояния. И всё же я не раз слышал, что отцы баловали любимых своих дочерей – они усаживали девочку лет четырёх-пяти на лошадиную спину и катали вокруг палатки, держа уздечку в руке. Польская цыганка Анна Орловская рассказала о своей подруге детства, имевшей прозвище Пастырка (т.е. пастушка).

“Она очень коней любила. Нас, девчонок, если увидят отцы возле лошадей – сразу прочь гонят. Мы босиком, а кони многие кованые. Не дай Бог наступят, ногу отдают. Так вот эту Пастырку бесполезно было отгонять. Вечно она возле коней с кнутом бегает, в морды их целует. От слепней “курилку” делает. Ноги у лошадей спутаны, они траву щиплют, и чтобы слепни их не заели, надо костёр развести и сырых веток туда набросать” [7].

Пристрастие девочки к лошадям было совершенно лишним с точки зрения её будущего. Отцы терпели склонности дочерей к “мужскому делу” только до поры. Между прочим, мне известен случай, когда нетрадиционное поведение привело в итоге к трагедии. В конце XIX века девушка из табора *лотвов* по имени Олго вышла замуж за прибалтийского немца Шульца и стала работать на конном заводе объездчицей. Итог был печален – Олго разбилась насмерть, осиротив малолетних детей [8].

Итак, при типовом развитии ситуации, цыганские семьи поощряли игры “в лошадок” у мальчиков, девочек же ориентировали на семейные ценности. С этой целью им дарили куклы. Некоторым матери шили их сами, но проще было достать такой подарок в деревне. “У девочек были старые тряпичные куклы, набитые соломой. – вспоминает Анна Орловская. – Матери во время гадания выпрашивали их в крестьянских домах” [7]. Интересным показался мне рассказ о времяпровождении девочек в таборах *плацунов*. Оказывается, возле настоящей цыганской палатки устанавливалась её уменьшенная копия. В шатёрике раскладывались перины с подушками. Матери шили дочкам тряпичные куклы, и в игрушечном таборе устраивались настоящие спектакли. Самодельная кукла “ходила в гости”, готовила, укладывалась спать. На ночь девочка устанавливала перед шатром своей любимицы свечку, чтобы ей было не страшно ночью возле “костра” [9].

Важным отличием цыганской игровой культуры был её пацифистский характер. Если у русских детей в дореволюционное время были популярны “казачьи-разбойничьи”, а позже на смену пришла игра “в войнушку”, то от бывших таборных цыган я ничего подобного не слышал. Вероятно, исключения были. Но отказ от игр военного характера вполне соотносится с традиционными цыганскими моральными установками.

Из сказанного отнюдь не следует, что мальчиков воспитывали, упуская из виду “мужские качества”. Цыган должен был вступать в жизнь готовым постоять за себя. Соответственно, взрослые поощряли состязания, требующие силы, ловкости и стойкости. У русских цыган существовала борьба “*пал э кустык*”. Участвовали в ней подростки в возрасте до 18 лет. Они

хватали друг друга за пояса. Победа присуждалась тому, кто сумеет повалить соперника на землю. Допускались подсечки, подножки, броски через грудь или бедро. За состязаниями с интересом наблюдали девочки и даже старики [10]. Точно такая же борьба существовала в таборах *кишинёвцев* [11] и *сэрвов*. Интересное описание о временах своего детства оставил Иван Корсун (следующий далее отрывок посвящён *сэрвицкому* табору):

“Я вернулся к шатрам и увидел, что собрались молодые ребята и устроили борьбу на поясах. Это когда одна рука держит ремень в брюках спереди, а вторая через плечо. Надо приподнять и повалить соперника, если есть сила. Кто проиграл, тот выходит, а кто победил, борется дальше. Мне попался высокий женатый парень. Он уже имел ребёнка в своей семье. Жена на него кричала, и мать тоже: “*Со кэрэс? Нанэ тукэ ладжяво чяворэнца тэ спхандэспэ?*” (Что творишь? Не стыдно тебе с детьми связываться?).

Но он всё-таки борется со мной на поясах. Поднимает меня, но повалить не может. Я стою на ногах. Опять: крутил, крутил. Никак ему не положить меня на землю. Ну а я споднизу левой рукой хорошо захватил и когда он, нагнувшись, ниже стал – я со всей силы приподнял его и в сторону швырнул. Ремень оборвался в руках. Он растянулся на траве, и брюки сползли без ремня. Мать бросилась на него:

– *Дылыно мануш! Акэ со туса кэрдя чяворо. Дык, би-холовэнги ро ачкирдя тут!* (Дурак! Вот что с тобой мальчишка сделал. Смотри, без порток тебя оставил!).

Он встал, схватился за штаны, и смех вокруг раздался. Весь народ подошёл уже смотреть из других шатров. А мне он порвал вышитую рубашку. Она у меня ещё долго была как память об этом таборе. Не могу точно вспомнить, какой был год. Сорок девятый или пятидесятый” [12].

В *котлярских* таборах подростки имели другую форму состязаний. Физическая сила очень ценилась в семьях лудильщиков, поэтому мальчишки тренировались, поднимая гири или кусок рельсы. Победителем считался тот, кто поднимет тяжести большее число раз [13]. Отмечу, что *котляры* с удовольствием фотографировались с гириями, гантелями или рельсами. Мне доводилось видеть такие снимки в Волгограде, Твери и посёлке Пери Ленинградской области.

Мне кажется, именно здесь будет уместно перейти к теме различий в играх, вызванных ментальностью. Особенностью *котляров* (*кэлдэраров*) было строгое разделение детей по признаку пола. Мальчики и девочки играли вместе только до тех пор, пока они были малышами. Лет до пяти-шести дети были голыми, что со стороны выглядело очень “по-цыгански”.

Особенно экзотичными выглядели зимние забавы. В предвоенном Ленинграде (на Охте) полуголые ребята катались на коньке, привязанном к босой ноге [14, с.31]. А в Куйбышеве (в конце 1950-х) *котлярский* табор поселился в бараке, завесив дверной проём матрасом. Время от времени на мороз выскакивали совершенно голые детишки лет четырёх и бежали к ледяной горке. Накатавшись, они бежали назад в барак греться у костра [15]. Понятно, что такие развлечения возможны были только благодаря крепкой закалке.

Кэлдэрары сформировались как этническая группа на румынских землях; некоторые из них перед тем, как прикочевать в Россию жили в Венгрии. Отношения полов у румын и венгров традиционно были более свободными, чем у русских. Конечно же, цыгане не могли избежать влияния окружающих народов, и вынуждены были вводить в противовес строгий контроль. Первым сдерживающим средством *кэлдэрарские* родители считали разделение подрастающих мальчиков и девочек. Не менее важными были и ранние браки. Отцы старались выдать дочерей замуж ещё до того, как наступит половое созревание. Реальная супружеская жизнь начиналась при этом иногда только через два-три года после свадьбы – однако благодаря этому отца была гарантия, что ему не придётся стыдиться за недостойное добрачное поведение дочери. Строгий контроль за замужней женщиной осуществляла уже новая семья. По сию пору *котлярки* выходят за пределы своего посёлка группами, следя друг за другом. (Русских цыганок или *кишинёвок* мужья отпускают в одиночку даже в другой город, поскольку супружеские отношения в этих этногруппах строятся на доверии). Есть мнение, что строгий контроль за подрастающей *котляркой* имел и материальную основу. За дочь отец брал выкуп золотыми монетами. Соответственно, если бы девушка убежала с понравившимся парнем, семья теряла бы крупную сумму. Конечно же, данный фактор играл свою роль. Напомню, однако, что у крымских цыган за невесту также выплачивается крупный калым – но девушки этой этногруппы пользуются гораздо большей свободой.

Итак, *котлярские* мальчики и девочки составляли две отдельные группы. Несмотря на обособленность от окружающего мира, игры мальчиков были похожи на игры славянских детей (салочки, ножички, лапта). Практически весь двадцатый век у *котляров* была особая модель кочевья. На дальние расстояния они перемещались поездами, далее просили у властей барак для жилья и выполняли для всей округи лудильные работы. Приглядываясь к спортивным играм городских ребят, *котлярские* мальчики увлеклись футболом. При многочисленности детей не составляло никакого труда набрать несколько команд и устроить соревнования по всем правилам. Задолго до

указа 1956 года футбол стал культивироваться в *кэлдэарских* таборах [16]. Эта традиция поддерживается и сейчас – например, в посёлке Косая гора в Тульской области.

Была у *котляров* в ходу также игра под названием “курица”, когда дети подбрасывали и ловили камешки, а также кидали их сквозь маленькие ворота [17].

Танцы же устраивались под присмотром взрослых. Вечерами в таборе цыгане собирались вместе, и детей вызывали показать, кто на что способен. При этом взрослые присматривались к будущим женихам и невестам [16].

У цыган северной ветви был иной подход. Те этногруппы, которые сформировались в славянской среде, впитали нравственные установки и обрядность русских, белорусов, поляков. Умение девушек “блюсти себя” до свадьбы было правилом у коренного населения. Как известно, русские родители спокойно отпускали молодёжь “в хоровод”. Под хороводом здесь понимается “весеннее-летнее времяпровождение деревенской молодёжи в разных его видах”, включавшее в себя песни, пляски и ролевые игры [18, с. 382]. При этом “почти повсеместно широко бытовали среди молодёжи игры с поцелуями, а также считалось вполне уместным закрепление определённых пар парней и девушек, которые не скрывали взаимной симпатии” [18, с. 384]. Разумеется, я не буду пересказывать хорошо знакомые этнологам и фольклористам факты из жизни русской деревни. Отмечу, что в таборах существовал аналог “хоровода” – вечерние посиделки у костра.

В общем и целом родители в этногруппах *руска рома* и *польска рома* доверяли подрастающему поколению. Поэтому браки были более поздними, нежели у *котляров*. Вечерами родители отпускали девушек в молодёжную компанию. Считалось достаточным, если за ней наблюдал родной или двоюродный брат. По *котлярским* меркам на подобных посиделках было слишком много вольностей. Но раскованность не переходила в распущенность; ночные потехи имели строгие рамки. Доверие родителей дочери не оправдывали крайне редко. Ещё Т. Киселёва в своей диссертации 1952 года подметила эту особенность психологии русских цыган, цитируя характерную фразу: “Пусть погуляют. Дело молодое...” [24]. Такую снисходительность отец с матерью могли себе позволить именно потому что не ждали на будущей свадьбе позора.

Польская цыганка Анна Орловская (из табора, кочевавшего в Белоруссии) была участницей посиделок накануне указа 1956 года. Ниже я приведу запись её воспоминаний:

“Когда ребятам и девочкам уже лет по 15–16, они вечерами собирались у костра. Иногда их много. Человек пятьдесят. Они пели, плясали, играли в фанты. Вначале соберут со всех залог. Что-то, чем дорожишь – например, колечко или бусы.

Вот девушке скажут отвернуться, а сами передают эту вещь из рук в руки. Потом ей надо угадать по глазам, у кого залог.

– У тебя!

– Не попала!

Теперь, чтобы вернуть своё колечко, надо сделать, что скажут. Например, загадают ей спеть или станцевать. Бывало и так. Все знают, что за девушкой парень ухлёстывает. Тогда им велят целоваться. Здесь же сидит её брат двоюродный, или ещё кто. Но он не вмешивается, потому что знает – их вот-вот поженят.

Конечно, девушка отказывается целоваться при всех. Тут этой паре говорят: “Ладно, принесите дрова”. Они уходят и в темноте целуются. Ну а если девочка ещё никого не любит, ей дают другое задание – например, испечь для всех картошку.

Случалось и нехорошо. Мою двоюродную сестру Маню, красавицу, парень сватал, но родители её не отдавали. И вот вечером у костра в фанты играли, и послали их за водой.

Они не вернулись.

Наутро в таборе крик: «Нашлэ!» (сбежали).

Появились они только через три дня. Пришлось играть свадьбу”. [7].

Примерно ту же картину описывали мне и другие пожилые женщины. Так, при полевой работе под Петербургом расспрашивал русских цыганок из родов *сетки* и *малявчонки*. По их словам, после песен и веселья начинались игры. Карты считались делом взрослым, а вот в “фанты” и “ремешки” все играли охотно. Тот, кого выбрали водящим, собирал в шапку залог. Это могли быть серёжки, кольца, дорогие платки – словом вещи, с которыми жалко расстаться. Потом, держа предмет за спиной, водящий говорил: “Что этому фанту сделать?”. Назначалось какое-нибудь смешное или затруднительное задание, которое волей-неволей приходилось исполнять к общему удовольствию всей компании. При игре “в ремешки” штрафные санкции были серьёзнее. Водящий бил по ладони ремнём 15 раз. И здесь требовалось проявлять стойкость [20].

В Смоленской области я записал от цыганки Марии Тимченковой подробности упомянутой выше игры “в ремешки”. Ребята и девушки 17-18-летнего возраста, рассаживались парами. Водящий подходил к первой паре и спрашивал:

– Ну со, чяво, бикнэса пэскирья ромня? (Ну что, парень, продаёшь свою жену?)

– На, мэ на бикнава, миры ромны гождо – джяла дэ гав, янэла балэ-вас, мас, парнорэ, ловэ. Хулань мандэ ромны, хулань! (Нет, не продаю. У меня жена хорошая – ходит в деревню, приносит мясо, яйца, деньги. Хозяюшка моя жена, хозяйюшка!)

– Ну, чяво, рикир-пэ! Бишито панч сымири! Дэ васт. (Ну, парень, держись! Двадцать пять ремешков. Давай руку)

С этими словами водящий бьёт по руке 25 ударов. Парень терпит, виду не подаёт. Водящий переходит к следующей паре.

– Ну со, чяво, ту бикнэса пэскирья ромня? (Ну что, парень, ты продаёшь свою жену?)

Тот не хочет ради этой девушки страдать и отвечает:

– Ай, морэ, миры ромны на дасави, сыр раньше ёй исыс добисарка. Бикнава мэ ла. (Нет, дружище, моя жена не такая, как раньше была добытчица. Продаю её.)

Девочка от него уходит, он берёт себе другую “жену”. А водящий идёт дальше от пары к паре и проверяет стойкость “мужей”. Потом начинается второй круг.

– Ну со, чяво, бикнэса пэскирья ромня? (Ну что, парень, продаёшь свою жену?)

– Миры ромны хулань. Каравэла лачё хабэ, драбакирла куч – на бикнава. (Моя жена – хозяйка. Готовит хорошо еду, гадает удачно – не продаю).

– Дэ васт. (Давай руку).

Парень снова подставляет ладонь. Дают ему 30 ударов, но уже легче.

Далее игра продолжается до тех пор, пока не составятся прочные пары. Суть игры “в ремешки” состояла в том, чтобы ребята имели возможность проявить свои мужские качества перед девушками. Терпя удары, парень показывал своей избраннице, что готов ради неё пострадать, а она делала из этого выводы.

Была ещё одна игра с использованием ремешка, причём более вольного характера. Парня с девушкой усаживали на бревно рядом. Водящий хлестал по бревну, и при звуке удара надо было повернуть голову направо или налево. Если парень с девчонкой поворачивали головы в одну сторону, им надо было поцеловаться. Если в разные, они вставали и расходились [21].

Как известно, игра “в ремешок” изначально практиковалась в русской деревне. При этом также существовало разделение на пары. Свою верность

избраннице крестьянский парень подтверждал, подставляя ладонь под удары “с оттяжкой”, влюблённые пары уходили в сени целоваться и т.д. Нет сомнений, что цыгане переняли эту своеобразную форму ухаживания во время зимовок в русских избах.

Некоторые сведения удалось собрать о детском досуге в таборах *кишинёвцев* и *плацунов*. Разумеется, и у этих этнических групп игры были заимствованными. Так у *кишинёвцев* распространена была игра “в кремешки” – ей увлекались и мальчишки, и девчонки (последние даже чаще). Суть этого развлечения была такова. Девочки усаживались на землю и клали перед собой пять камешков. Первая брала камешек и подбрасывала его вверх. Пока он находился в воздухе, следовало подхватить с земли камень и подставить ладонь под тот, что падает. Это игра на ловкость. Дальше операция с подбрасыванием повторялась, но с земли надо было взять уже два камешка. Потом три, потом четыре. Если на любом этапе возникала неудача, очередь переходила к другой девочке. Та, что сумела дойти до конца, получала право бить щелчки по лбу сопернице. Количество щелчков зависело опять-таки от ловкости. На следующем этапе игры пять камешков подбрасывали вверх и ловили уже тыльной стороной ладони. Если на руке удержались все пять, то давалось право на пять ударов. Потом камешки можно снова подбросить вверх и поймать в горстку. Это ещё пять щелчков. В принципе самые умелые игроки могли довести счёт до двадцати щелчков [11].

Поскольку *кишинёвцы* кочевали по России, широкое распространение у них получили русские детские игры. Мальчишки играли в лапту. Играли “в ножички” по тем же правилам, которым подчинялся в детстве и автор этой статьи. Впрочем, финал был более жёстким. Проигравший должен был зубами выдёргивать из земли колышек забитый почти до конца. Девочки-*кишинёвки* скакали “в классики”, перебрасывались мячом. Была перенята и ролевая игра “в краски” с такими диалогами:

– Тук-тук!

– Кто тут?

– Я монах в красных штанах.

– За чем пришёл?

– За краской.

– За какой?

– За голубой.

– Её нет. Беги по голубой дорожке на одной ножке, и т.д. [22].

У *плацунов* мальчишки прыгали друг через друга, играли в мяч, делая ворота из камней. Встречались те же “кремешки” и “ножички”,

но в то же время родители не имели ничего против, когда ребята играли в карты [9].

Следует отметить, что информанты, с которыми я работал, могли рассказать лишь о временах своего детства. Таким образом, всё, что относится к дореволюционным временам, навсегда останется непрояснённым в силу отсутствия устных и письменных источников. Я не сомневаюсь, впрочем, что в XIX столетии цыганские дети играли в свайку и в бабки. Отсутствие сведений об этом в собранных интервью объясняется тем, что и в русской среде упомянутые деревенские забавы стали забываться уже в первой трети XX века.

При желании в формах детского досуга можно всё же выделить цыганскую специфику. Отличием было в частности поведение во время купания. Как известно, русские мальчишки в возрасте 12 – 13 лет не стеснялись купаться в трусах или даже совершенно раздетыми. Их сверстники из *сэрвицких* или русско-цыганских таборов имели более строгие понятия о приличиях. Поскольку мальчики и девочки заходили в воду рядом, они вообще не снимали одежду. В своих воспоминаниях Иван Корсунописывает одно из послевоенных купаний в речке: “Недалеко было песчаное место. Там мы увидели плавающую русскую девушку и спросили: “Какое дно? Чистое ли?” Она плавала хорошо. Сказала: “Не бойтесь”. С нами были девочки из табора. Они стали купаться прямо в широких юбках и кофтах, ну а мы в штанах и рубашках. Девушка засмеялась над нами” [23].

У польских цыган дети совмещали развлечение с заработком, танцуют для коренного населения. Подчеркну, что это не было формой подготовки ко взрослому заработку. Женатые мужчины и замужние женщины из этногруппы *польска рома* пели и плясали только на таборных стоянках. Уже упоминавшаяся выше Анна Орловская вспоминает о своём детстве следующее:

“Когда мы были маленькие, ходили плясать для русских. Соберёмся вместе – пять или шесть мальчишек и девочек. Ищем больницу, магазин или базар – где людей много. Начинаем петь, в ладоши подхлопывать и по очереди танцевать. Хорошо плясали! Нам бросают деньги, гостинцы. Как закончим, многие спрашивают: “Когда ещё к нам придёте?”

– Завтра!

Обратно идём. Ноги до крови о щёбёнку сбиты. Но довольные! У каждой девочки полный передник конфет, шоколадок. Даже в дома нас звали цыганские танцы посмотреть. Помню, однажды мужик

накормил супом, напоил молоком. Потом попросил спеть. Ну, мы для него постарались. А он смотрел-смотрел, растрогался и говорит: “Вас в артисты надо”.

Мы перепугались, что нас заберут – и бегом! Больше в ту деревню не ходили” [7].

Закончить свою статью я хотел бы своими наблюдениями, сделанными на современных таборных стоянках. После указа 1956 года кочевье всех описанных выше цыганских этногрупп полностью прекратилось. Однако, и в наши дни, существуют два сообщества, которые можно с определённой натяжкой назвать кочевыми. После распада Советского Союза экономический кризис вынудил уезжать за сотни километров от своих домов как венгерских цыган из Закарпатья, так и среднеазиатских люли. Трудно найти более полярные по ментальности и обычаям этногруппы. *Люли*, именующие себя *мугатами* – мусульмане по вероисповеданию, а венгерские цыгане (именуемые далее “*мадьярами*”) – католики и протестанты. У выходцев из Узбекистана и Таджикистана очень сильны семейные ценности, мадьяры же культивируют полную свободу нравов. В их таборах не осуждаются разводы и считается нормальным, если девушка до свадьбы имеет несколько половых партнёров. *Мугаты* абсолютно не криминальны, а среди мадьярок не редкость карманные воровки. Вместе с тем, чисто внешне наблюдается и большое сходство. Женщины и дети в обеих этногруппах занимаются попрошайничеством на улицах российских городов (данный промысел ранее был характерен для цыганок всех стран). Палатки, покрытые полиэтиленом настолько похожи у *мугатов* и *мадьяров*, что отличить их затруднительно. Более того, я наблюдал случаи, когда таборы из Закарпатья и Узбекистана располагались в лесу рядом, и между современными кочевниками завязывались приятельские отношения.

Насколько мог заметить, семьи среднеазиатских цыган основаны на взаимном уважении супругов. Если мужчины не могут найти работу в строительстве или сельском хозяйстве, они не видят ничего зазорного в приготовлении пищи и прочих хозяйственных делах. Несмотря на крайнюю бедность мугатских таборов, детям изредка покупают сладости и мороженое. Во время выпрашивания милостыни и старой одежды в сельской местности, родители не забывают об игрушках. Я видел на таборных стоянках кукол, маленькие колясочки и даже трёхколёсные велосипеды (*илл. в приложении с. XI*). Играя вокруг табора в салочки, мальчики одновременно выполняют сторожевые функции. Их задача сводится к тому, чтобы заметить посторонних на дальних подступах и предупредить мужчин (после чего

цыган, ответственный за порядок, выходит навстречу незваному гостю для переговоров) На стоянке возле Шатуры я обратил внимание на мальчика с мастерски сделанной рогаткой. Подобные видел только в фильмах сталинской эпохи (илл. в приложении с. XI). Мать объяснила мне, что её сын охотится на голубей в голодные дни, когда ей не удаётся ничего выпросить. Не берусь судить, насколько правдиво это объяснение. С уверенностью можно сказать, что система воспитания в мугатских семьях очень эффективна. Те же самые дети, которые могут показаться на улицах назойливыми, ведут себя возле палаток весьма достойно. Они вежливы со старшими и охотно помогают родителям по хозяйству.

Ситуация в мажарских таборах диаметрально противоположна. Матери заботятся только о том, чтобы сытно накормить сыновей и дочерей. В остальных дети полностью предоставлены сами себе. Поскольку в некоторых палатках есть телевизоры и видеотехника, работающая от аккумуляторов, подрастающее поколение испытывает сильное влияние со стороны боевиков даже кассет с эротическим содержанием. Соответственно, мальчики постоянно имитируют приёмы боевых единоборств. Их игровая подготовка как семейной жизни, весьма своеобразна. Следует пояснить, что мажары столетиями жили оседло и начали вести полукочевой образ жизни только в постсоветский период. Они не имеют традиций, характерных для прочих этногрупп. В девяностые годы XX века у закарпатских цыган, выезжающих на заработки в Россию, сложилась следующая модель семейных отношений. Мужчины живут исключительно за счёт женщин. Их функция сводится к продолжению рода и обустройству палатки. Досуг мажаров подчинён картам, причём играют они на деньги, которые приносят из города жёны. Материальная зависимость мужчин привела к неограниченной свободе женщин. Удачливая добытчица может менять мужа множество раз, не подвергаясь осуждению со стороны табора. Иногда у цыганки все дети от разных мужей. Подрастающий мальчик видит, что у него есть шанс на обеспеченную жизнь, только если он сумеет удачно жениться. Для того, чтобы обратить на себя внимание девушек, он должен быть отчаянным в драках, а также хорошо плясать. В силу этого мажарские ребята упорно учатся народным и современным танцам, добываясь, порой виртуозного мастерства. Всё свободное время они играют в карты. Взрослые мажарки рассматривают игру своих мужей как потенциальный источник пополнения семейного бюджета. Действительно, хороший игрок способен за одну ночь добыть деньги, на которые семья может жить несколько месяцев. Цыганские мальчики мечтают о том дне, когда перестанут ходить на промысел вместе

с матерью и сёстрами. Женившись, и получив в своё распоряжение постоянный доход, они смогут делать ставки в азартных играх. Готовясь к этому будущему подростки рассматривают карты не как забаву – а как единственное достойное мужчины занятие.

Что касается мажарских девочек, они охотно подражают своим матерям, привязывая куклу за спиной. Став постарше, они играют “в резиночку” (илл. в приложении с. XII). Суть забавы состоит в том, что две девочки становятся напротив друг друга, натянув над землёй закольцованную резинку. Их подружки прыгают через два эластичных барьера, проявляя свою ловкость. Это также заимствованная игра. У русских школьниц она стала популярной ещё в 1980-е годы.

В заключение мне хотелось бы призвать коллег, ведущих полевые исследования, включать вопрос о цыганских играх в программу своих бесед с пожилыми информантами. Поколение, которое помнит своё детство накануне указа 1956 года, всё ещё находится в трезвой памяти. Ещё не поздно совместными усилиями ликвидировать пробел в этнографических описаниях.

Источники и литература

1. Баранніков О. Українські цигани. // Народознавчі Зошити. 2005. № 3–4. – С.275-290.
2. Баранников А. П. Цыганские элементы в русско-мажарском арго // Язык и литература – Т. VII. – Л., 1931.
3. Интервью Н. Бессонова с Боцманом Фёдоровичем Орисовым, цыганом-кишинёвцем (1942 г.р.), Волгоград, 2004 г.; Ермолаем Емельяновичем Чеботарёвым, цыганом-кишинёвцем (1934 г.р.) пос. Быково Московской области, 2004 г.; Виктором Пантелеевичем Черепихиным, сэрво. Киев, 2004; Зинаидой Петровной Подольской, русской цыганкой (1937 г.р.), Нижний Новгород 2007 г.
4. Интервью Н. Бессонова с Галиной Николаевной Никитиной из влашского рода цокэнки. пос. Раменское Московской области, 2004 г.
5. Народные песни русских цыган. – М., 1988. – С. 19, 90, 99, 100, 106, 133.
6. Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой/ Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и справочный аппарат С. В. Кучепатовой – СПб.: “Дмитрий Буланин”, 2006. – С. 130–143.
7. Интервью Н. Бессонова с Анной Антоновной Орловской (1942 г.р.), цыганкой из этногруппы польска рома, Смоленская область, гор. Сафоново, 2004 г.
8. Интервью Н. Бессонова с Зоей Александровной Шульц, цыганкой-лотвицей (1937 г.р.), пос. Быково Московской обл., 1999 г.

9. Интервью Н. Бессонова с Лидией Григорьевной Драменко, цыганкой-*плащункой*, Краснодар, 2004 г.
10. Интервью Н. Бессонова с Яном Александровичем Сергуниным (Решетниковым), русским цыганом-*сибиряком*. (1954 г.р.). Москва, 2004 г.
11. Интервью Н. Бессонова с Ермолаем Емельяновичем Чеботарёвым, цыганом-*кишинёвцем* (1934 г.р.). пос. Быково Московской области, 2004 г.
12. Корсун Иван Сергеевич. (1935-2007) Воспоминания. Рукопись в архиве Н. В. Бессонова. Автор жил в г. Волховстрой Ленинградской области.
13. Интервью Н. Бессонова с Олегом Николаевичем Петровичем (Муршей ле Ристаско), *кэлдэраром* из *вицы сапоррони*. пос. Савватьевское Калининского района Тверской области, 2007 г.
14. *Деметер-Чарская Ольга*. Судьба цыганки. – М., 2003. – С.31.
15. Интервью Н. Бессонова с Еленой Александровной Головкиной русской цыганкой (1947 г.р.), Москва, 1997 г.
16. Интервью Н. Бессонова с Рикой Степановичем Михай (Рика ле Стёпако), *котлярром* из вицы *дынони*. пос. Косая гора Тульской области, 2004 г.
17. Интервью Н. Бессонова с Олегом Николаевичем Петровичем (Муршей ле Ристаско), *кэлдэраром* из *вицы сапоррони*. пос. Савватьевское Калининского района Тверской области, 2007 г.
18. *Громько М. М.* Мир русской деревни. – М., 1991. – С. 382
19. *Киселёва Т. Ф.* Цыганы европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к осёдлости. Автореферат диссертации. – М., 1952.
20. Интервью Н. Бессонова с Александрой Степановной Ивановой, русской цыганкой (1938 г.р.) и Екатериной Николаевной Ружецкой русской цыганкой (1937 г.р.) пос. Горелово Ленинградской области, 2003 г.
21. Интервью Н. Бессонова с Марией Фёдоровной Тимченковой (1942 г. р.) г. Сафоново, 2004 г.
22. Интервью Н. Бессонова с Ольгой Александровной Чеботарёвой, цыганкой-*кишинёвкой* (1936 г.р.), пос. Быково Московской области, 2004 г.
23. Интервью Н. Бессонова с Анной Антоновной Орловской (1942 г. р.), цыганкой из этногруппы *польска рома*, Смоленская область, гор. Сафоново, 2004 г.